

АНДЕРСЕНОВСКИЙ КОНТЕКСТ «МАЛЬЧИКА У ХРИСТА НА ЁЛКЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Был ли знаком Ф. М. Достоевский с произведениями Х. К. Андерсена? Думается, да. Первые публикации прозы датского писателя были сделаны П. А. Плетневым в журнале «Современник» (1844) с предисловием В. Г. Белинского. Вполне вероятно, что Достоевский, близкий к Белинскому в 40-е годы, уже тогда мог познакомиться с творчеством датского писателя. Отдельные публикации сказок («Бронзовый вепрь», «Гадкий утенок» и Соловей») появились в 1847 г. в журнале «Новая библиотека для воспитания» (кн. 5, 7, 8), а первые сборники Андерсена вышли в России в 50-е годы.

Любопытно отметить, что с начала 1860-х годов в круг Достоевского неизменно входили люди, так или иначе связанные с творчеством датского сказочника, а периодические издания, которые интересовали или могли интересовать Достоевского, включали материалы, посвященные Андерсену. В частности, переводами произведений Андерсена занимались Ф. Берг, Я. Полонский, П. Вейнберг – члены редакционного кружка журналов «Время» и «Эпоха», издаваемых Михаилом и Федором Достоевскими. Переводы Ф. Берга вошли в «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (1860) и онтологию «Поэты всех времен и всех народов» (1862). Их публикацию осуществил М. Катков, с которым Достоевский был связан издательскими делами. В 1875 году Ф. Берг некоторое время исполнял обязанности редактора-издателя журнала «Нива», где в апрельском номере к юбилею датского писателя была опубликована обширная статья, с огромной фотографией на титульном листе и с кратким библиографическим обзором. Годовой комплект «Нивы» хранился в библиотеке Ф. М. Достоевского¹.

Широкую известность в России

творчество Андерсена приобрело к середине 1860-х годов. Много для этого сделало русское «Общество переводчиц», которое в 1863 г. осуществило издание переведенных с немецкого языка сказок Андерсена. Дополненный сборник вышел в 1867 году большим тиражом. В 1868 году «Обществом» был сделан перевод с немецкого «Новых сказок» Андерсена. Среди сотрудниц «Общества переводчиц» были А. Н. Энгельгардт и А. П. Философова – близкие знакомые Достоевского². Иными словами, Андерсен не мог не оказаться в сфере профессиональной деятельности русского писателя.

Вопросы о творческой связи писателей возникают всякий раз, когда приходится перечитывать «Мальчика у Христа на елке» Достоевского – небольшой фрагмент, вышедший в составе январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год. Литературоведение традиционно соотносит творческую историю этого фрагмента со стихотворением Ф. Рюккерта «Елка сироты». Основания для этого есть³, и об этом писал Г. М. Фридлиндер⁴. Однако, думается, литературные связи «Мальчика у Христа на елке» не ограничиваются только указанным произведением.

В стихотворении Рюккерта сюжетная канва незамысловата. Дитя-сирота в рождественский вечер бежит по улицам города, чтобы полюбоваться на зажженные свечи, которые горят в чужих окнах. Ребенку тяжело, и он сетует на свою теперешнюю ненужность на чужбине, невольно сопоставляя нынешнее состояние с прежним, когда дома и для него «сиял свет рождества». В отчаянии дитя обращается к Богу, который появляется в облике ребенка, одетого в белые одежды. Он произносит слова утешения и, указывая на небо, дарит сироте елку, «которая сверкает звездами на бесчисленных ветвях»⁵. В восхищении ребенок чувствует

себя как во сне, и спустившиеся ангелочки увлекают его с собою наверх, к свету. Эта развязка усиливается примечанием о том, что дитя «вернулось к себе на родину, на елку к Христу», где оно позабудет земные страдания. Главная просьба, с которой обращается ребенок к Богу, – это мольба о том, чтобы Христос был его утешителем, заменил ему отца и мать, дал ему тепло семейного счастья, потому что все о ребенке забыли.

Основным у Рюккерта оказывается мотив одиночества. Ребенок ждет, чтобы к нему проявили участие, ему ничего не нужно – он, заглядывая в окна домов, просто хочет «насладиться блеском рождественских подарков», хочет свою елку. И он обретает ее там, куда его уносят ангелы, за пределами земного мира, возвращаясь «к себе на родину», к Христу, и забывая то, «что было уготовано ему на земле».

В произведении Достоевского мальчик выходит из подвала на улицу, потому что ему страшно в темноте возле умершей матери. Он идет не любоваться на зажженные свечи и рождественские витрины (ср. у Рюккерта) – его инстинктивно тянет к людям, потому что ему жутко в подвале и хочется кушать. Чувство голода усиливается на улице, но к нему добавляется острое ощущение холода: «...господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам» (22; 15). Однако взрослые, к которым тянется ребенок в надежде на помощь, оказываются равнодушными к его судьбе. И дело не в том, что у каждого из них своя елка – как в балладе Рюккерта. Ребенок у Достоевского не заглядывает в окна домов, где сидят за праздничным столом семьи (ведь Рождество – это, в первую очередь, семейный праздник). Мальчик идет к людям вообще – и он никому не нужен. Вот прошел полицейский, блюститель порядка (государственного!), и отвернулся, то есть сделал вид, что не заметил. Богатые барыни в магазине с игрушками и пирогами тоже предпочитают не замечать страданий, а их частная благотворительность (одна барыня дала копеечку) ничего не может изменить в жизни ребенка.

Его все гонят, и он забегает в дровяной двор: «Тут не сыщут, да и темно» (22; 16). Ему очень страшно («сам отдышаться не может от страху»). Замерзая, он сначала слышит материнский голос, который поет ему песню. Мальчик не молится, не просит елку, не ожидает никакого чуда, как ребенок у Рюккерта («Дитя <...> полное ожидания, замирает посреди улицы»). Он просто пытается согреться – в чужой подворотне, за чужими дровами. Оказывается, ему приходится искать спасение от того мира, в который он идет в поисках помощи и защиты. Спасение дарует Христос, но для этого нужно умереть. Божественные слова, которые слышит мальчик, произнесены тихим голосом, безо всякой торжественности: «Пойдем ко мне на елку, мальчик, – прошептал над ним вдруг тихий голос» (22; 16)⁶.

У Рюккерта ребенок приходит в восторг оттого, что наконец увидел свою елку – у Достоевского мальчик в предсмертных видениях обретает тепло и защиту, которых он искал и не нашел у живых людей.

Подобное состояние в сказке Андерсена переживает девочка, которая присела, чтобы погреться, за выступом дома и замерзла («Девочка со спичками», 1845). Ее предсмертные грезы – это фантастические картины радостной и счастливой жизни, которой она была лишена в действительности: тепло от большой железной печи, еда, роскошная рождественская елка с тысячами свечей на зеленых ветках; «разноцветные картинки, какими украшают витрины магазинов»; умершая недавно тихая и просветленная старенькая бабушка, которая «взяла девочку на руки, и, озаренные светом и радостью, обе они вознеслись высоко-высоко – туда, где нет ни голода, ни холода, ни страха, – они вознеслись к Богу».

Земной мир заставляет ребенка страдать, и только возвращение на небо и у Андерсена, и у Достоевского для ребенка отрадно и спокойно: дитя, подобие ангела на земле⁷, попадая к Богу, становится ангелом. И здесь оказывается неважно, отчего страдает ребенок – от болезни или от стужи на улице,

– все равно: взрослый мир не может его оградить и спасти от страданий.

Так изображается ребенок уже в раннем стихотворении Андерсена «Умиравшее дитя» (1825). Здесь боль и усталость, что испытывает умирающий ребенок, противопоставлены свету и теплу, ангельским песням, которые чудятся ему в предсмертных видениях.

В сказке «История одной матери» (1848) повествуется о самоотверженных попытках матери спасти своего ребенка, который был похищен Смертью, явившейся в дом в облике бедного замерзшего старика. Несчастливая женщина жертвует всем: она сквозь слезы поет Ночи колыбельные песни, чтобы от нее узнать, в каком направлении скрылась Смерть с ее ребенком; обливаясь кровью, согревает, терновый куст у своей груди, чтобы тот сказал, куда идти дальше; отдает свои глаза озеру, которое переносит ее к теплице Смерти, где каждое растение – человеческая жизнь; расстается со своими черными волосами, обменивая их на седые волосы старой садовницы, которая согласилась при этом условии сказать, как найти среди растений и цветов похищенного ребенка и защитить его от Смерти. И вот когда остается совсем немного – выполнить то, о чем говорила садовница: вырвать цветки, которые охраняет Смерть в обмен на жизнь собственного ребенка, – мать отступает. Она содрогнулась, заглянув в глубокий колодец, где она увидела будущее тех детей, цветы которых она собиралась уничтожить. Один из них богат и счастлив. Другой беден и сир. Но кто из них ее дитя, Смерть отказывается ей сказать. И тогда мать в отчаянии просит Смерть спасти ее ребенка «от всех этих бедствий». В равной степени – и от счастливой, и от несчастной судьбы. «Унеси его в царство божье!» – заклинает она Смерть, которая в нерешительности медлит. И тогда мать молится Богу, отдавая его воле судьбу своего ребенка. А Смерть, исполняя волю Божию, уносит ее ребенка в «неведомую страну», где нет ни боли, ни страданий.

Физические мучения матери несоизмеримы с теми, которые испытывает

она, поняв, что противопоставляет свое желание спасти ребенка воле Бога. К Нему она в отчаянии обращается со словами: «Не внемли мне, когда я прошу о чем-либо, несогласном с Твоею всеблагою волей!»

Ребенок не обделен материнской любовью, заботой и вниманием, в доме тепло и есть достаток: мать наливает вошедшему старику кружку пива. Ребенок болен, но мать выхаживает его, а потом жертвует всем, чтобы он выжил. Однако Андерсен называет его «маленький страдалец». И эти слова обозначают не только физическую боль от болезни. При сопоставлении с финалом сказки оказывается, что страдания выпадают на долю невинного – равно безгрешного ребенка и взрослого человека.

Мотив земных страданий ребенка и посмертное обретение им счастья как единственно для него возможного отчетливо обнаруживается в произведениях Достоевского и Андерсена⁸. Чуда спасения не происходит. Даже в рождественскую ночь, когда так хочется в него верить. Даже силой материнской любви и самопожертвования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиотека Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 203.

² О вышеприведенных фактах см.: Деханова О. А. Ф. М. Достоевский и Г. Х. Андерсен: Фантазии и реальность // Вестник Челябинского ун-та. Серия 2. Филология. 1999. № 2. С. 77 – 88.

³ «Елка, ребенок у Рюккерта, Христос, спросить у Владимира Рафаиловича Зогова», – записывает Достоевский в черновиках (24; 102). Везде в цитатах курсив наш. – А.Д.

⁴ См.: Фридендер Г. М. Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта // Международные связи русской литературы. М., 1963. С. 370 – 390. Об истории переводов Рюккерта и знакомстве русского читателя с его произведениями см.: Там же. С. 379 – 381.

⁵ Цит. прозаический перевод-подстрочник стихотворения Рюккерта (22; 322).

⁶ Ср. у Рюккерта: «Мое слово принадлежит одинаково всем. Я одаряю своими сокровищами здесь, на улицах, так же, как там, в комнатах. Я заставлю твою елку сиять здесь, на открытом воздухе, такими яркими огнями, какими не сияет ни одна там, внутри» (22; 322 – 323).

⁷ «Слушайте: мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, – пишет Достоевский. – <...> А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением, к их лику ангельскому <...> к их невинности <...> и к трогательной их беззащитности» (22; 68 – 69).

⁸ Обращает на себя внимание совпадение: в августе 1875 г. умирает Андерсен – в январском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский печатает «Мальчика у Христа на елке». О других совпадениях в жизни Андерсена и Достоевского см.: *Деханова О. А.* Указ. ст.